

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БИБЛЮГРАФІЯ.

„Русскій Архивъ“ 1866—1867 годовъ. (Окончаніе).—Участь раненныхъ и больныхъ во время войны. Соч. Э. Затлера.—Библиографическій листокъ: русскія и иностранныя сочиненія.

Русскій Архивъ. Историко-литературный сборникъ, издаваемый Петромъ Бартевымъ. Москва. 1866—1867.

(Окончаніе.)

IV.

Матеріалы для исторіи царствованія императрицъ Анны и Елисаветы и императора Павла.

Отдавая отчетъ о первыхъ годахъ „Русскаго Архива“, мы имѣли случай замѣтить, что наименѣе обработанная часть русской исторіи та, которая относится къ временамъ послѣ смерти Петра и къ ближайшей намъ эпохѣ. Особенно исторія царствованія императрицы Анны въ общемъ видѣ своемъ мало извѣстна, и только нѣкоторые эпизоды его описаны съ достаточною подробностію, да въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ“ обнародовано нѣсколько драгоценныхъ матеріаловъ, каковы: протоколы верховнаго тайнаго совѣта (книга 3-я, 1858), дѣло Вирона (книга 2-я, 1862), дѣло Волынскаго (книга 2-я, 1858). Въ „Русскомъ Архивѣ“ до сихъ поръ встрѣчали мы лишь

Т. LXII. Стд. III.

отрывочные матеріалы для исторіи названнаго царствованія. Чтобы уяснить ихъ значеніе и показать ихъ связь съ общимъ ходомъ событій, редакція помѣстила послѣдовательное повѣствованіе о царствованіи императрицы Анны, переведенное съ нѣмецкаго, изъ 4-го тома „Исторіи русскаго государства“ Германа, професора іенскаго университета. Германъ руководствовался исключительно иностранными источниками. Какъ нѣмецъ, онъ не всегда могъ быть безпристрастенъ къ русскимъ людямъ описываемой эпохи, но, сравнительно съ другими, даже знаменитыми, нѣмецкими историками, писавшими о Россіи, стоитъ гораздо выше. Военныя дѣйствія Миниха противъ турокъ изложены имъ вѣрно и съ нѣкоторыми малоизвѣстными подробностями; взглядъ же на бироновщину слишкомъ пристрастенъ и доказываетъ непониманіе нѣмецкимъ историкомъ истиннаго смысла этого печальнѣйшаго въ русской исторіи явленія. Упомянувъ, на примѣръ, о томъ, что императрица Анна была обязана престоломъ единственно побѣдѣ надъ приверженцами старыхъ русскихъ порядковъ, онъ прибавляетъ, что племянница Петра Великаго, если не по убѣжденію, то по стеченію обстоятельствъ, *вновь вступила на дорогу, покинутую со смертію ея дяди*, и что она была *вынуждена опираться болѣе на честность и способности иностранцевъ, особенно нѣмцевъ, чѣмъ на природныя русскія*“. Другими словами это значить, по вѣрному замѣчанію редакціи „Архива“, что, въ глазахъ нѣмецкаго професора, бироновщина была необходима, какъ плодъ западно-европейскаго просвѣщенія и покровительства „честнымъ нѣмцамъ“.... Избави Творецъ всякій народъ отъ такихъ цивилизаторовъ какъ Биронъ, который, сказать мимоходомъ, былъ не нѣмецъ, а латышъ, назывался собственно *Биренъ* или *Бюренъ* и самовольно присвоилъ себѣ фамилію древнихъ французскихъ герцоговъ Бироновъ, чтобы замаскировать свое низкое происхожденіе (*).

. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ того, какъ жутко было русскимъ людямъ при Биронѣ и какаѣ широкая дорога къ возвышенію, напротивъ, была открыта всѣмъ не-русскимъ, можетъ служить докладъ императрицѣ Аннѣ подполковника конной гвардіи князя Шаховскаго. Князь Шаховской ходатайствовалъ о производствѣ, на открывшуюся вакансію, корнета Игнатія Языкова въ подпоручики, а вѣхмистра Петра Сабурова въ корнеты,

(*) Дядь его былъ конюхомъ герцога Курляндскаго Іакова 3-го.

прибавляя, что „они тѣми рангами быть достойны и содержать себя въ конной гвардіи въ парадныхъ всякихъ приборахъ и лошадяхъ могутъ“. Хотя старше Сабурова были вахмистры „Яганъ Вольтерсъ, Яганъ Фридрихъ Бинкъ, Михаль Гилберъ Бокъ и Кашперъ Мастеръ“, но князь Шаховской поставлялъ на видъ, что всѣ они не-дворяне, были опредѣлены въ конную гвардію, кромѣ Вольтерса (взятаго въ плѣнъ въ Польшѣ) изъ младшихъ унтеръ-офицеровъ полевыхъ полковъ прусской арміи, что Бокъ и Мастеръ лѣтами стары, а послѣдній и безграмотенъ, и что эти иноземцы сами желали перейти, съ повыше-ніемъ чина, въ гарнизонные полки. Для усиленія своего ходатайства, князь Шаховской докладывалъ: „всѣ жъ полковые штабъ-офицеры всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доносятъ, что онымъ изъ мѣщанъ вахмистрамъ-иноземцамъ, для вышеприведенныхъ резоновъ, *въ конной гвардіи корнетами быть неприлично*: ибо по именнымъ вашего императорскаго величества указамъ опредѣляются въ тоѣ гвардію оберъ-офицеры все шляхетство; то ихъ изъ мѣщанъ-вахмистровъ же иноземцовъ не соизводелите-ли всемилостивѣйше указать отпустить въ оберъ-офицеры, какъ и изъ прочихъ пѣхотной гвардіи полковъ бываетъ обыкновенно, въ другіе полки“.

Ходатайство князя Шаховскаго не было уважено; ему даже поставили на видъ впредь, при докладахъ, „кто какой природы есть, не разсуждать, но прописывать одно старшинство и достоинство“. Въ подпоручики, вмѣсто Языкова, былъ произведенъ Таубъ, а въ корнеты, вмѣсто Сабурова, Вольтерсъ.

Извѣстно, что отецъ Фридриха II страстно любилъ солдатъ-великановъ и, при всей своей образцовой скупости, не жалѣлъ денегъ на вербовку рослыхъ и красивыхъ людей изъ всѣхъ возможныхъ націй и сословій. Еще Петръ Великій посылалъ прусскому королю такого рода солдатъ (съ 1718 по 1724 годъ было послано 18 человекъ), но особенно при Аннѣ много было отправлено ихъ въ прусскіе полки (въ 1731 — 1732 годахъ 39 человекъ). Когда вступила на престолъ Елисавета, нашъ посланникъ при берлинскомъ дворѣ, графъ Чернышевъ, доносилъ императрицѣ, отъ 28-го сентября 1742, что русскіе солдаты, находящіеся въ прусской службѣ, убѣдительно просятъ его о возвращеніи ихъ въ Россію. Изъ донесенія графа Чернышева видно, что нѣкоторые изъ нихъ были присланы на урочные годы (на сколько именно не сказано), которые давно кончились,

а между тѣмъ, они служили по *двадцати* и по *двадцати-семи* лѣтъ. Больше всего желали возвратиться въ отечество солдаты, служившіе въ потсдамскомъ гарнизонѣ, горько жагуясь на то, что по смерти православнаго священника, который былъ содержимъ для нихъ отцемъ Фридриха II, они уже три года не общались Святыхъ Таинъ, и, кромѣ того, получали меньшее, нежели при покойномъ королѣ, жалованье. Всѣхъ русскихъ солдатъ, просившихся домой изъ прусской службы, показано въ росписи 69 человекъ.

Дальнѣйшая судьба этихъ горемыкъ, заброшенныхъ на чужбину, неизвѣстна. Судя по второму донесенію графа Чернышева (отъ 6-го декабря 1743), посланникъ собралъ свѣдѣнія и о другихъ русскихъ солдатахъ, разбѣянныхъ по разнымъ прусскимъ полкамъ, но, кажется, имъ суждено было не видать отечества. По крайней мѣрѣ, спустя *сорокъ-шесть лѣтъ*, именно въ 1789 году, Карамзинъ видѣлъ еще въ Потсдамѣ одного нашего солдата, жившаго здѣсь со временъ Анны. „Дряхлый старикъ—разсказываетъ Карамзинъ—слыша, что мы русскіе, протянулъ къ намъ руки и дрожащимъ голосомъ сказалъ: слава Богу! слава Богу!... Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-русски, но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово, а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-русски. „Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился—сказалъ онъ—или я, можетъ быть, забываю его“.—И то и другое, правда“, отвѣчали мы.—Единственнымъ утѣшеніемъ этого ветхаго инвалида было содержать въ чистотѣ опустѣлую православную церковь и приходить сюда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ читать Евангеліе и богослужебныя книги.

Не столько къ матеріаламъ для исторіи царствованія императора Павла, сколько къ даннымъ для біографіи этого государя, слѣдуетъ отнести „Разказы генерала Кутлубицкаго о временахъ императора Павла I“. Они имѣютъ чисто анекдотическій характеръ и если не прибавляютъ много новаго къ извѣстнымъ уже фактамъ, то отчасти объясняютъ ихъ. Генералъ Кутлубицкій, бывшій генералъ-адъютантъ Павла и пользовавшійся большою его довѣренностью, началъ свою службу при немъ, какъ и другіе приближенные, въ гатчинскихъ войскахъ: онъ, вмѣстѣ съ Капцевичемъ, былъ откомандированъ туда при

сформированіи артилерійской батареи, состоялъ въ ней адъютантомъ, а командиромъ ея былъ Аракчеевъ. Кутлубицкій умеръ, въ глубокой старости, въ 1849 году и помѣщенные въ „Архивъ“ рассказы записаны съ его словъ. Мы отмѣтимъ изъ нихъ только то, что передавалъ Кутлубицкій о первыхъ дняхъ и о послѣднемъ днѣ царствованія Павла.

Въ день смерти императрицы Екатерины, великій князь Павелъ Петровичъ ѣздилъ, для прогулки, на мельницу въ Ропшу; въ большихъ четверомѣстныхъ саняхъ, вмѣстѣ съ великою княгинею. Насупротивъ ихъ сидѣли графъ Илинскій и еще одинъ придворный; на запяткахъ стояли Капцевичъ и Кутлубицкій. Дорогой великій князь говорилъ о видѣнномъ имъ и Маріей Феодоровной снѣ (*). — „Вѣроятно, ваше величество скоро будете императоромъ“ — замѣтилъ, по поводу этого сна, графъ Илинскій — „и тогда я выиграю мой процессъ съ казною“. — „Навѣрно выигралъ бы“ — отвѣчалъ великій князь. Между тѣмъ, въ Гатчину пріѣхалъ графъ Зубовъ (братъ фаворита) съ извѣстіемъ о болѣзни императрицы и послалъ къ великому князю двухъ гусаровъ по двумъ разнымъ дорогамъ, не зная по какой изъ нихъ онъ будетъ возвращаться. Замѣтивъ скакавшаго гусара, наслѣдникъ спросилъ у него по-малороссійски (гусары были тогда почти всѣ изъ малоросовъ): — „Що тамъ таке?“ — „Зубовъ пріѣхавъ, ваше высочество“ — отвѣчалъ гусаръ. — „А богацько ихъ?“ (т. е. много-ли ихъ?) — продолжалъ наслѣдникъ. Гусаръ, вѣроятно, слыхавшій русскую поговорку: „одинъ какъ перстъ“, отвѣчалъ: „единъ, якъ песь, ваше высочество!“ — „Ну, съ однимъ можно справиться“, возразилъ наслѣдникъ, снявъ шапку и перекрестился.

Князь Зубовъ, по смерти императрицы, жилъ еще нѣкоторое время въ Зимнемъ дворцѣ; но потомъ императоръ приказалъ купить для него домъ въ Морской, отдѣлать великолѣпно, снабдить столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на нѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми, и наканунѣ для рожденія Зубова послалъ къ нему Кутлубицкаго сказать, что дарить ему домъ и завтра съ императрицею будетъ у него пить чай. Зубовъ встрѣтилъ ихъ величества на лѣстницѣ и

(*) Рассказъ объ этомъ снѣ наложенъ въ запискѣ графа Ростопчина: „Послѣдній день царствованія Екатерины и первый день императора Павла“, напечатанной въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей руссійскихъ“, во 2-й книжкѣ 1864 года.

упалъ къ ногамъ ихъ. Государь и государыня подняли князя и пошли съ нимъ подъ-руки по лѣстницѣ, причеиъ императоръ сказалъ: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Въ гостинной подали шампанскаго. „Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго“, сказалъ Павелъ, принимая бокалъ, и, обратясь къ императрицѣ, прибавилъ: „выпей все до капли“. Выпивши самъ, императоръ разбилъ бокалъ, и поднимая Зубова, опять упавшаго къ ногамъ, замѣтилъ: „Я тебѣ сказалъ: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Вскорѣ потомъ князь Зубовъ уѣхалъ за границу.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ послалъ, какъ извѣстно, своихъ гатчинскихъ офицеровъ ревизовать войска. Кутлубицкій былъ посланъ смотрѣть полки, расположенныя въ южныхъ губерніяхъ, и, по возвращеніи, исходатайствовалъ пенсіи семействамъ нѣкоторыхъ отставныхъ генераловъ и полковниковъ, находившимся въ такой бѣдности, что жены и дочери сами носили воду. Императоръ остался доволенъ своимъ генералъ-адъютантомъ, и, обратясь къ князю Репнину, сказалъ: „Ваше сіятельство, вотъ мой щенокъ (*), мой генералъ-инспекторъ: онъ посланъ былъ на ревизію столькихъ полковъ и я чрезъ него не сдѣлалъ ни одного несчастнымъ, а ваше сіятельство сегодня представили мнѣ двухъ наптановъ написать въ рядовые...“ — „Чтожь дѣлать, государь, они этого стоили“, отвѣчалъ Репнинъ. — „А ты думаешь какъ, Николка?“ сказалъ Павелъ, взглянувъ на Кутлубицкаго. — „Государь, ты милостивъ, прости ихъ!“ воскликнулъ Кутлубицкій, падая на колѣни. — „Растопчинъ, напиши указъ, что я ихъ прощаю“, былъ отвѣтъ императора.

По словамъ Кутлубицкаго, императоръ говѣлъ всегда на страстной недѣлѣ; но въ послѣдній годъ своего царствованія отговѣлъ на четвертой (крестопоклонной) недѣлѣ.

Въ послѣдній же день своего царствованія, императоръ чувствовалъ себя нездоровымъ; проснувшись и еще лежа въ постели, онъ позвалъ Кутлубицкаго и послалъ его за графомъ Паленомъ (генералъ-губернаторомъ). Послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, идти къ императрицѣ пить кофе, онъ велѣлъ позвать къ себѣ дѣтей. Когда ихъ привели, а нѣкоторыхъ принесли на рукахъ, Павелъ, снявъ съ себя шпагу и

(*) „Что онъ послалъ насъ ревизовать своего щенка?“ говорили недовольные этой посылкой старики-генералы. Слова эти дошли до императора.

сбросивъ съ дивана на полъ подушку, сталъ играть съ дѣтьми на полу. Простившись съ ними, онъ вдругъ воротилъ няню, державшую на рукахъ великую княжну Анну Павловну, снялъ со стѣны небольшой образъ Божіей Матери, нѣсколько разъ перекрестилъ имъ великую княжну и наконецъ самый образъ положилъ ей за пазуху.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до этого дня, графъ Паленъ докладывалъ императору, что, рапортуя ежедневно о благосостояніи города, онъ признаетъ необходимымъ знать и о благосостояніи дворца, какъ части столицы. Въслѣдствіе того, Кутлубицкому, какъ коменданту дворца, приказано было предварительно рапортовать о томъ генераль-губернатору, что и исполнялось поздно вечеромъ иногда самимъ генераломъ, а чаще его адъютантомъ. Въ послѣдній день царствованія императора Павла, Кутлубицкій самъ пріѣхалъ къ Палену въ десять часовъ и засталъ у него большое общество. Въ числѣ гостей были Зубовъ и нѣкоторые изъ лицъ, присутствовавшихъ съ Паленомъ на вечернемъ собраніи во дворцѣ. Пили шампанское, но случаю именинъ или рожденія Палена, какъ сказали Кутлубицкому. Онъ также выпилъ бокалъ за здоровье хозяина, но когда вышелъ въ переднюю, чтобы уѣхать, графъ Паленъ, сопровождавшій его, сказалъ: „генераль, пожалуйста вашу шпагу, государь приказалъ васъ арестовать“. На возраженіе Кутлубицкаго, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и желаетъ объясниться съ императоромъ, Паленъ возразилъ: — „Развѣ вы не знаете порядка?“

Адъютантъ генераль-губернатора отвезъ Кутлубицкаго на гауптвахту.

На другой день арестованному возвратили шпагу и объявили, что ночью государь скончался отъ апоплексическаго удара.

V.

Матеріалы для біографіи Суворова, Кутузова, Ермолова, Аракчеева и Давыдова (Дениса, партизана).

Помѣщая въ „Архивѣ“, въ видѣ матеріала для біографіи Суворова, его „письма и записки“ (не въ смыслѣ мемуаровъ, а въ прямомъ значеніи), редакторъ предпосылаетъ имъ нѣсколько пояснительныхъ словъ. Онъ поставляетъ на видѣ, что, какъ ни много у насъ писано о Суворовѣ, однакожь до сихъ

норѣ еще не изложены въ строго-последовательномъ порядкѣ подлинныя и пробѣренныя извѣстія о его жизни, и, какъ на почти единственное исключеніе, въ этомъ отношеніи, указываетъ на обзоръ жизни Суворова, написанный Д. А. Милютинымъ и помѣщенный во второмъ изданіи „Исторія войны 1799 года“. Гражданское значеніе нашего великаго полководца, его личныя связи и сношенія, всё эти предметы еще требуютъ разработки. Мы мало знаемъ также о его дѣтствѣ и о первыхъ годахъ его службы: Суворовъ, подобно Потемкину, росъ подъ надзоромъ своего дѣда (по отцу), Ивана Ивановича, бывшаго протоіереемъ Благовѣщенскаго въ Московскомъ Кремлѣ собора (*), и, конечно, этому первоначальному воспитанію обязанъ былъ тѣмъ, что до конца жизни своей оставался вѣрнымъ сыномъ православной Церкви и строгимъ блюстителемъ ея уставовъ. Обстановкою годовъ дѣтства объясняется и его привычка пѣть и читать въ церкви. Какъ скудны и шатки свѣдѣнія о дѣтствѣ и первой молодости Суворова, доказываютъ, между прочимъ, неразрѣшенные положительно вопросы: учился ли онъ въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ (что было впоследствии 1-й кадетскій корпусъ)? онъ-ли былъ тотъ вице-капралъ лейбъ-кампаніи Суворовъ, который, по свидѣтельству „Записокъ Нащокина“, въ началѣ 1758 года находился безотлучно при фельдмаршалѣ Апраксинѣ, потребованномъ въ Петербургъ къ отвѣту за внезапное отступленіе послѣ гротъ-егерндорфской побѣды надъ пруссаками?

Указывая на эти и другія еще неразъясненныя обстоятельства изъ жизни Суворова, редакторъ „Русскаго Архива“ говоритъ:

„Между тѣмъ, для всякаго русскаго человѣка, не только война, Суворовъ лице родное, понятное и въ высшей степени сочувственное. Въ наше время, когда наконецъ пробуждено любопытство къ исторіи XVIII вѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ, подробная и точная біографія Суворова, этого яркаго представителя русскаго духа, этой *непререкаемой* славы русскаго имени, была бы дорогимъ приобрѣтеніемъ исторической словесности и, можетъ быть, разрѣшила бы нѣкоторые вопросы нашего внутренняго развитія“.

Подобная біографія, какъ мы уже имѣли случай замѣтить

(*) Встарину дворяне нерѣдко поступали въ духовное званіе. Отецъ князя Потемкина, напримѣръ, былъ протоіерей въ Смоленскѣ.

по поводу приказа Суворова о штурмѣ Праги, варшавской, будетъ возможна только по обнаруженіи хранящихся въ архивахъ свѣдѣній и бумагъ подлинныхъ. Къ числу такого рода матеріаловъ принадлежатъ письма Суворова, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ и относящіяся къ 1787—1800 годамъ. Они двойнаго рода: *семейныя* и *служебныя*. Первые писаны Суворовымъ къ дочери, къ зятю (графу Николаю Александровичу Зубову) и къ племяннику Хвостову (Дмитрію Ивановичу); вторыя къ адмиралу Рибасу, одному изъ сподвижниковъ Суворова во вторую турецкую войну. Все, что до сихъ поръ было извѣстно о безпредѣльной любви нашего славнаго полководца къ Наташѣ, къ сестрицѣ-Сувороцкѣ, все это, въ широкихъ размѣрахъ, подтверждается обнаруженными теперь письмами къ ней. Нѣкоторыя изъ нихъ писаны по-французски и по-нѣмецки (и притомъ не только правильно, но и согласно съ духомъ обоихъ языковъ), другія по-русски съ вводными французскими и нѣмецкими фразами, но большинство по-русски. О побѣдѣ при Рымникѣ Суворовъ извѣстилъ свою дочь французскимъ письмомъ; съ краткими русскими и нѣмецкими приписками, а о взятіи въ плѣнъ Костюшки уведомилъ ее даже стихами, или, точнѣе виршами:

„Увѣдомляю симъ тебя, моя Наташа:
Костюшка злой въ рукахъ; взяла вотъ такъ-то наша!
Я нѣ веселъ и вздоровъ, но лишь немного лихъ,
Тобой что презрѣнъ мной избранный женихъ.
Когда любовь твоя велика есть къ отцу,
Послушай старика, дай руку молодцу.
Но впрочемъ никакихъ не слушай, другъ мой, вздоровъ
Отецъ твой Александръ, графъ Рымникскій Суворовъ“.

Несчастливый въ супружествѣ (былъ женатъ на княгинѣ Прозоровской), Суворовъ сосредоточивалъ всѣ свои чувства, всю свою вѣжность, всѣ помыслы на дочери. „Сохраняй въ себѣ врожденную невинность, когда кончишь курсъ ученья“ (*), писалъ онъ своей дорогой Наташѣ. „Относительно судьбы своей положись всецѣло на Промыслъ всемогущаго Бога и питай непререкаемую вѣрность къ великой монархинѣ, на сколько то будетъ зависѣть отъ твоего общественнаго положенія. Я ея солдатъ; я умираю за отечество; чѣмъ выше возводятъ меня ея милости, тѣмъ сладостнѣе мнѣ принести себя ей въ жертву.

(*) Дочь Суворова воспитывалась въ Смоленскомъ монастырѣ.

Смѣло приближаюсь къ могилѣ: совѣсть моя незапятнана. Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ; тѣло мое изувѣчено ранами, и Богъ хранитъ меня для пользы государства. Я долженъ буду и не замедлю предстать къ отвѣту предъ его великое судилище.... Вотъ сколько хвастливыхъ разглагольствій (voici bien des rodonnades), моя несравненная Суворочка!*

Семейныя письма Суворова тѣмъ-то и важны, что позволяютъ заглянуть глубже въ душу гениальнаго полководца и возсоздать въ умѣ величавый его образъ. Немногіе современники понимали Суворова; не понимаютъ, и не могутъ понять, его донинѣ и иноземцы; на насъ, людяхъ другаго вѣка, лежитъ долгъ тщательно собирать все, что только можетъ представить въ истинномъ свѣтѣ этого блистательнаго представителя русскаго человѣка.

Письма къ Рибасу, подлинники которыхъ хранятся съ 1865 года въ императорской публичной библиотекѣ, изображаютъ славнаго вождя русскихъ силъ на служебномъ поприщѣ и, по заключающимся въ нихъ даннымъ, принадлежать къ цѣннымъ историческимъ документамъ. Онѣ писаны частію по русски, частію по-французски. Но и въ этихъ „историческихъ“, по преимуществу, письмахъ разбросаны данныя для психологическаго анализа Суворова — человѣка. 6-го августа 1794 года онъ писалъ изъ Немирова: „Жизнь мнѣ въ тягость; я перешелъ Рубинонъ и не измѣню себя; бывъ много лѣтъ игрушкою г. Н. С. (*), я готовъ умереть хоть подъ экваторомъ или у полюсовъ—мнѣ все равно. Когда я буду не у дѣлъ, то приду съ заступомъ въ вашъ Хаджибей (**), но отъ того не сдѣлаюсь инженеромъ, потому что никогда имъ не былъ: я солдатъ полвѣка.... Знаете ли чудо: Костюшко въ Волѣ, подъ Варшавою! Поляки, сказываютъ, дерутся тамъ хорошо въ стычкахъ съ королемъ прусскимъ, который вскорѣ долженъ разбить ихъ въ генеральномъ сраженіи. Увы, мой патріотизм! я не могу обнаружить его: интриганы лишили меня средствъ къ тому....“

Другіе звуки слышатся въ письмѣ отъ 5-го декабря 1794 г., изъ Варшавы.

„Ваше превосходительство, дорогой и искренній другъ Осипъ

(*) Графъ Николая Ивановича Самтыкова, председателя государственной военной коллегіи.

(**) Одессу, которую строитъ адмиралъ Рибасъ.

Михайловичъ! Вы не можете не знать этого, но... могли-ли вы предполагать? Что до меня, то я останусь въ этомъ случаѣ спептикомъ до смерти. Кланяйтесь моимъ друзьямъ: у меня нѣтъ времени писать къ нимъ, или, точнѣе, нѣтъ здоровья, ослабленнаго трудами, лишеніями и чрезмѣрною радостію. Прежде всего, Исленьевъ—генераль-поручикъ.... Всюду доступъ, постоянное приглашеніе къ обѣденному столу.... На другой день благодарственный молебень; двѣсти одинъ выстрѣлъ; колѣнопреклоненная августѣйшая монархія; самый милостивый пріемъ моей дочери; хлѣбъ и соль варшавскіе отвѣданы и собственноручно поднесены моей дочери; обѣдъ; въ половинѣ его я пожалованъ.... Плачу.... Здоровье мое пьютъ стоя; двѣсти одинъ выстрѣлъ; мнѣ совѣстно передавать выраженія: послѣдній слуга Бога и императрицы.... Великодушіе ея снизошли до того, что она поручила Тищенко (*), при его отъѣздѣ, беречь мое здоровье.... Горчаковъ (**), осыпанный милостіями, тотчасъ же отправленъ съ ж.... (***) боюсь выговорить....“

Для біографіи Кутузова можетъ служить матеріаломъ „Воспоминаніе о князѣ Смоленскомъ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ“. Статья эта написана г. Шишковымъ, однимъ изъ родственниковъ Кутузова, служившимъ въ отечественную войну офицеромъ въ Малоросійскомъ кирасирскомъ полку, а потомъ, начиная съ Калиша, состоявшимъ при главной квартирѣ. Цѣль статьи опровергнуть показанія сэра Роберта Уильсона, англійскаго агента при нашей арміи. Въ Вильнѣ, 12-го декабря 1812 года, императоръ Александръ будто бы сказалъ Уильсону: „Теперь вы получите мою полную исповѣдь. Я знаю, что фельдмаршалъ (т. е. Кутузовъ) не сдѣлалъ ничего того, что долженъ бы былъ сдѣлать, не предпринималъ противъ непріятеля ничего, что былъ обязанъ предпринять; онъ никогда не побуждалъ иначе, какъ силою: онъ намъ сыгралъ тысячи штукъ по-турецки. Однако дворянство московское его под-

(*) Камердинеръ Суворова.

(**) Князь Алексѣй Ивановичъ, родной племянникъ Суворова бывшій, при Александрѣ I, военнымъ министромъ.

(***) Съ жезломъ фельдмаршалскимъ. Императрица собственноручно извѣстила Суворова слѣдующимъ краткимъ рескриптомъ: „Господинъ генераль-фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ! Поздравляю васъ со всеми побѣдами и со взятіемъ прусскихъ укрѣпленій и самой Варшавы, пребывая къ намъ отиивно доброжелательна“. И на конвертѣ императрица написала собственноручно: „генералу-фельдмаршалу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому.“

держиваетъ и настойчиво олицетворяетъ въ немъ отечественную славу этой кампаніи. Черезъ полчаса я намѣренъ возложить на него орденъ св. Георгія 1-й степени, и тѣмъ, признаюсь, отступить отъ правилъ статута славнаго ордена. Я васъ не буду просить присутствовать при этомъ: я былъ бы нѣкоторымъ образомъ затрудненъ вашимъ присутствіемъ; я уступаю только необходимости.... Онъ старъ; не отказывайте ему въ вѣжливости, требуемой условіями общества, и не отклоняйте отъкрыто тѣхъ предупрежденій, которыя бы онъ сдѣлалъ вамъ.... Я желаю, чтобы съ нынѣшняго же дня всякое недоброжелательство кончилось между вами. Мы начинаемъ новую эру: надобно освятить ее живою признательностію къ Промыслу и чувствомъ прощенія всѣмъ“.

Г. Шишковъ опровергаетъ историческими фактами правдоподобность подобнаго признанія со стороны императора Александра. Хотя и есть неоспоримыя данныя, свидѣтельствующія, что императоръ Александръ не вполне былъ доволенъ дѣйствіями Кутузова противъ Наполеона, но чтобы государь рѣшился умалять значеніе вождя своихъ побѣдоносныхъ войскъ въ глазахъ иноземца, и притомъ англичанина, это болѣе нежели сомнительно. Свидѣтелей приводимаго Уильсономъ разговора не было; отношенія между британскимъ агентомъ и фельдмаршаломъ были натянуты; какъ ни желалось Англій, слѣдовательно и ея представителю при нашей арміи, доконать Наполеона, но все же англійское національное чувство не могло равнодушно усвоить себѣ мысль, что такое міровое событіе, какъ ниспроверженіе бонапартовской всемірной монархіи, произведено непосредственно русскимъ народомъ.... Плохо пришлось бы исторіи, если бы она увидѣла себя въ безусловной необходимости основывать свои приговоры на показаніяхъ *одного* лица и была бы лишена возможности повѣрять ихъ другими данными. Въ настоящемъ случаѣ такая повѣрка не представляетъ неодолимыхъ затрудненій, и каковы бы ни были ошибки и упущенія Кутузова въ борьбѣ съ Наполеономъ, въ результатѣ за Кутузовымъ навсегда останется слава побѣдителя величайшаго въ мірѣ военнаго гения. Этого довольно для увѣковѣченія его имени....

„Собственноручныя замѣтки А. П. Ермолова объ его молодости“ относятся къ тому времени, когда онъ, въ царствованіе императора Павла, имѣя 22 года отъ роду и командуя, въ

чинъ подполковника, артиллерійскою ротю въ Несвижѣ (Минской губерніи), былъ арестованъ вмѣстѣ съ братомъ, по матери, Каховскимъ, помѣщикомъ Смоленской губерніи. Арестъ послѣдовалъ по извѣсту смоленскаго губернатора Тредьяковскаго (сына профессора „доквенціи“), но никакой вины за Ермоловымъ не оказалось и онъ былъ освобожденъ при воцареніи Александра. Въ Петербургѣ Ермоловъ просидѣлъ два мѣсяца въ крѣпости, въ казематѣ Александровскаго рavelина, а потомъ его отвезли въ Кострому, гдѣ онъ прожилъ полтора года вмѣстѣ съ сосланнымъ туда же войска Донскаго генералъ-майоромъ Платовымъ, впоследствии знаменитымъ атаманомъ. „Жители города“ — говоритъ Алексѣй Петровичъ — оказывали мнѣ великодушное расположеніе, не находя въ свойствахъ моихъ, ни въ образѣ поведенія, ничего обнаруживающаго преступника. Я возвратился къ изученію латинскаго языка, упражнялся въ переводѣ лучшихъ авторовъ, и время протекало почти напримѣдо, почти не омрачало веселости моей. Судьба, неблагоприятствовавшая мнѣ, возбуждала сътованія мои въ одномъ только случаѣ, когда воспоминалъ я, что баталіонъ артиллерійскій, которому принадлежалъ, находился въ Италіи, въ арміи, предводимой славнымъ Суворовымъ, что товарищи мои участвуютъ въ незабвенныхъ подвигахъ непобѣдимой нашей арміи. Въ чинѣ подполковника я былъ двадцати-двухъ лѣтъ и въ царствованіе Екатерины имѣлъ орденъ св. Георгія и св. Владиміра. Многимъ Суворовъ открылъ быструю каріеру: неужели бы укрылись отъ него добрая воля, кипящая, пламенная рѣшительность, незнавшая тогда опасностей?“

Принятый вновь на службу съ прежнимъ чиномъ подполковника, Ермоловъ получилъ конно-артиллерійскую роту — назначеніе по его словамъ, для молодого офицера, чрезвычайно лестное, потому что въ то время (при самомъ началѣ царствованія Александра) былъ только одинъ конно-артиллерійскій баталіонъ, состоявшій изъ пяти ротъ. Вскорѣ однакожъ Алексѣй Петровичъ испыталъ опять служебную невагоду: Аракчеевъ, назначенный инспекторомъ всей артилеріи, сталъ преслѣдовать его и обошелъ чиномъ. Тогда Ермоловъ рѣшился выйти къ отставу. „Но дабы, при отставкѣ, обратить на себя вниманіе и найти возможность объяснить причину, побуждающую меня къ тому, я прибѣгнулъ“ — рассказываетъ онъ — „къ странному способу“. Способъ, дѣйствительно, былъ

крайне оригиналенъ: молодой подполковникъ подалъ инспектору конной артилеріи, генераль-маіору Богданову, рапортъ, въ которомъ объяснялъ, что, ускоряя нѣсколькими мѣсяцами подачу прошенія вопреки установленнаго срока, не только не считаетъ себя въ правѣ воспользоваться, при увольненіи отъ службы, чиномъ, но, будучи семь лѣтъ подполковникомъ, *проситъ отставить его маіоромъ*. Этотъ рапортъ былъ, по настоянію Ермолова, представленъ Аракчееву. Алексѣй Петровичъ ожидалъ, что его стануть свидѣтельствовать, въ полномъ ли онъ разсудитъ... Случилось то, чего никто не ожидалъ: Аракчеевъ написалъ Ермолову собственноручное весьма благосклонное письмо, изъявляя желаніе, чтобы онъ остался служить....

„Я исполнилъ волю его, и не разъ имѣлъ причину раскаяваться“, заключаетъ Ермоловъ.

Литература наша постоянно продолжаетъ обогащаться матеріалами для біографіи Аракчеева. Помышлялъ ли графъ Алексѣй Андреевичъ во дни своей силы о судѣ потомства? вображалъ ли, что неумолимая исторія безпощадно разоблачитъ его личность такую, какою она была на самомъ дѣлѣ? Едва ли. Онъ былъ о себѣ столь высокаго мнѣнія, питалъ такое презрѣніе къ человѣчеству, непомерная гордыня до того ослѣпляла и отуманивала его, что, пожертвовавъ деньги въ пользу будущаго историка царствованія императора Александра I, конечно утѣшалъ себя мыслию, что о немъ будутъ говорить не иначе, какъ о благотворномъ государственномъ дѣятелѣ. Тотъ, кто не поколебался провозгласить цинически свое равнодушіе къ судьбѣ отечества въ минуту величайшей опасности, грозившей Россіи (*), тотъ, вромѣ возмутительнаго себялюбія, не могъ таить въ душѣ своей никакихъ высокихъ чувствъ и помысловъ.... Но судъ исторіи неподкупенъ. Исторія не скроетъ извѣстнаго рода заслугъ, оказанныхъ Аракчеевымъ по устройству нашей арміи и въ особенности артилеріи; но та же исторія никогда не поставитъ его на тотъ пьедесталъ, на который она возводитъ людей, достойныхъ уваженія, любви и призвательной памяти потомства.

Заключимъ наше обозрѣніе статей военнаго содержанія, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за два разсматриваемые

(*) См. о „Запискахъ“ графа Комаровскаго въ апрѣльской книжкѣ „Военнаго Сборника“, стр. 130.

нами года, указаніемъ на письма покойнаго генерала Дениса Васильевича Давыдова къ Аракчееву, къ Закревскому и къ графу В. Ѳ. А. Во всѣхъ этихъ письмахъ лихой партизанъ жалуется, что боевая служба его не была оцѣнена какъ слѣдуетъ. Къ Аракчееву Давыдовъ пишетъ, что съ перваго выстрѣла на берегахъ Нѣмана до бородинскаго боя онъ не спускалъ глазъ съ непріятеля, исполнялъ опаснѣйшія порученія, первый подалъ проектъ князю Багратиону о дѣйстви партизановъ, самъ доказалъ выгоды этого предложенія, долго пользовался вниманіемъ высшаго начальства, но подвергся опалѣ за овладѣніе, послѣ десятичасоваго боя, Дрезденомъ, тогда какъ въ это же самое время—прибавляетъ Давыдовъ— „генераль Чернышевъ получилъ 1-я Анны за занятіе безъ выстрѣла Берлина, а полковникъ Тетенборнъ чинъ за торжественный вѣздъ въ Гамбургъ“. Исчисливъ дальнѣйшую свою боевую дѣятельность и упомянувъ, что всѣ его сверстники и даже младшіе по службѣ, живя въ резервахъ и въ главныхъ квартирахъ, обошли и обходятъ его, Давыдовъ проситъ Аракчеева исходатайствовать ему поравненіе въ чинѣ съ сверстниками. Хотя подъ письмомъ этимъ (напечатанномъ съ черноваго подлинника) числа и не выставлено, но, судя по содержанию, оно писано послѣ кампаніи 1814 г. Письмо къ графу В. Ѳ. А. писано въ 1826 г. изъ Георгіевска (на Кавказѣ), послѣ того какъ Паскевичъ былъ назначенъ командиромъ кавказскаго корпуса на мѣсто Ермолова и когда служебное положеніе Давыдова, родственника Алексѣя Петровича, слѣдалось ненормальнымъ. Давыдовъ, какъ извѣстно, съ успѣхомъ открывшій персидскую кампанію, просилъ посредничества графа В. Ѳ. А. у Дибича о скорѣйшемъ увольненіи его изъ дѣйствовавшаго противъ персіянъ отряда. „Вы были свидѣтелемъ моего затруднительнаго соотношенія съ начальствомъ по родству моему съ Алексѣемъ Петровичемъ; я вамъ сказывалъ о томъ неудовольствіи, которое уже я понесъ по сему прежде еще смѣны Алексѣя Петровича и во время отсутствія его въ горы. Вы также видѣли, что я готовъ былъ все забыть и все переносить, если бы только дали мнѣ хотя какую-либо команду. Право, я служилъ бы лихо, несмотря, что начальникъ другой, ибо царь и честь моя все тѣ же; да и къ чему бы я въ другой разъ прискакалъ сюда, какъ не для того, чтобы драться, драться и драться? Мнѣ никогда никакой команды не давали,

и я молчалъ, полагая, что, занимаясь приготовленіемъ къ походу, начальству было не до моей особы. Вдругъ даютъ самую блистательную команду младшему миѣ по службѣ (*). Я изъясняю на то мое удивленіе, и миѣ отвѣчаютъ, что эта команда потому дана ему, что уже онъ тамъ на мѣстѣ, какъ будто бы я не могъ быть на томъ же мѣстѣ въ три дня? Наконецъ отвѣтъ заключается тѣмъ, что нѣтъ команды, которая миѣ могла бы быть теперь вѣрена. — Объ отставкѣ Давыдовъ впрочемъ не думалъ; напротивъ, готовъ былъ служить, только на другомъ боевомъ полѣ, въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. „Только, чтобы его величество промолвилъ слово, и я готовъ буду нуда и на что ему угодно, алча одного его вниманія и боясь одного его неблаговоленія“.

Въ письмѣ къ графу Закревскому (отъ 31-го августа 1827 года), упоминая о той же своей служебной невзгодѣ, Давыдовъ говоритъ и о Ермоловѣ, только-что удалившемся въ родовую деревню въ Орловской губерніи: „Я былъ у брата Алексѣя: онъ не грустенъ, но сердитъ и какъ будто выбитый съ винта, на коемъ онъ вертѣлся тридцать-восемь лѣтъ славной службы. Кажется однако, что начинаетъ кой-какъ привыкать къ безмятежной жизни: началъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ записокъ своихъ, ибо не изъ числа тѣхъ безграмотныхъ, которымъ и партикулярныя письма сочиняетъ Грибоѣдовъ. Тамъ же строить онъ маленькую хижину для себя и своей библіотеки“.

Самъ Давыдовъ не могъ примириться съ мыслию о невольномъ отреченіи отъ боевой жизни: „Я не говорю о Ермоловѣ—сильные враги его все сдѣлали; но скажи, какова моя участь со всею страстію моею къ боевой службѣ!... Приѣхавъ въ Грузію, я сдѣлалъ то, что препоручено было миѣ сдѣлать: подобно г-ну П. (Паскевичу), побилъ и выгналъ непріятеля изъ Грузіи, но болѣе его вошелъ въ границу Персіи. Онъ, правда, взялъ 1,100 человекъ плѣнныхъ, но какъ и по чьей милости? — спроси о томъ у Мадатова; а въ дѣлѣ его и не видали. У васъ, можетъ быть, онъ еще героемъ слыветъ и елисаветпольское дѣло неизвѣстно, а въ Грузіи оно чисто и ясно: Вельяминовъ и Мадатовъ все сдѣлали. П. только ими свое приложилъ къ дѣлу“.

Въ послѣдній разъ Давыдовъ, числившійся по кавалеріи,

(*) Генераль-маіору Панкратьеву.

выступилъ вновь на любимое имъ боевое поприщѣ въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ и заслужилъ генераль-лейтенантскій чинъ. Императоръ Николай Павловичъ всегда считалъ его однимъ изъ способнѣйшихъ нашихъ генераловъ, и прямо выразилъ это въ разговорѣ съ Ермоловымъ на музыкальномъ вечерѣ 17-го мая 1835 г. у московскаго генераль-губернатора князя Голицына.

Императоръ. Какъ хороша Скрыпцицына! какъ стройна!

Ермоловъ. Да, государь, она какъ стебель лиліи.

Императоръ. О! да ты поэтъ, какъ братъ твой Денисъ.— Какъ жаль, что этотъ человекъ служить урывками! Съ его средствами и дарованіями чѣмъ бы онъ не былъ!... Писалъ-ли ты когда нибудь стихи?

Ермоловъ. Никогда, государь, не могъ прибрать ни одной рѣмы и ни съ однимъ стихомъ не умѣлъ сладить.

Императоръ. А Денисъ пишетъ-ли стихи?

Ермоловъ. Рѣдко теперь; онъ занимается серьезными сочиненіями.

Императоръ. Я этого не зналъ; можетъ быть урывками, такъ же какъ служить.

Ермоловъ. Нѣтъ, государь, весьма постоянно; можно сказать, какъ трудолюбивѣйшій комментаторъ.

Императоръ. Къ чему онъ не способенъ, когда захочетъ, съ его способностями и дарованіями!... Онъ, однако, прежде писалъ вольные стихи?

Ермоловъ. Правда, государь: бывъ гусаромъ, онъ славилъ и пѣлъ вино и оттого прослылъ пьяницею, а онъ такой же пьяница, какъ я.

Императоръ. Это я знаю. Жаль, что онъ урывками служить! Онъ былъ бы полезенъ и для всѣхъ и для себя, и пошелъ бы далеко.

Разговоръ этотъ записанъ самимъ Давыдовымъ со словъ Ермолова.

За мѣсяцъ до своей смерти (12-го апрѣля 1839 г.), Давыдовъ писалъ къ Ермолову, прѣвѣжавшему тогда въ Петербургъ, чтобы онъ хлопоталъ объ ускореніи распоряженій относительно перенесенія праха князя Багратіона изъ пустыннаго села Сима, Владимірской губерніи. Еще въ 1837 году Давыдовъ, какъ бывший адъютантъ Багратіона, подавалъ графу А. Ѳ. Орлову записку объ этомъ и просилъ предоставить ему

честь перенесенія; но ему не суждено было дожить до торжественнаго открытія на Бородинскомъ полѣ памятника, у котораго погребены смертныя останки героя бородинскаго дня.

Участь раненыхъ и больныхъ во время войны. Сочиненіе *Θ. Затлера. Изданіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.* Спб. 1868.

Наднякъ появилось въ продажѣ первое изданіе недавно образовавшагося у насъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Книга эта поражаетъ съ перваго взгляда изяществомъ своего изданія и необываю, баснословною дешевизною. Печать общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, красный крестъ на бѣломъ полѣ, сдѣлавшійся отнынѣ международнымъ знакомъ, нейтрализующимъ на войнѣ всю военно-медицинскую часть, украшаетъ заглавный листокъ книги и служитъ лучшимъ ручательствомъ, что изданіе это не имѣетъ характера литературной спекуляціи, а предназначено для божіе возвышенной и святой цѣли.

Обществу попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, для самаго успѣха его дѣятельности, необходимо стараться о возможно-большемъ распространеніи въ публикѣ тѣхъ доводовъ, которые вызываютъ существованіе общества, о приданіи возможно-большей гласности всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Въ особености это необходимо у насъ, при томъ недовѣрїи, какое нерѣдко замѣчается вообще къ частной дѣятельности и особенно къ дѣятельности, возникающей въ нашей столицѣ. Могутъ намъ возразить, что въ настоящемъ случаѣ недовѣрїю не можетъ быть мѣста, такъ какъ дѣло идетъ объ оказаніи благотворительности, на что вообще щедро русское общество, и не можетъ возбуждать къ себѣ недовѣрїя предпрїятіе, имѣющее обстановку подобную обществу попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Отчасти возраженіе это справедливо, но нельзя не обратить вниманіе и на то, что вообще благотворительность шире и щедрѣе развертывается, болѣе положительно и опредѣлительно извѣстно, что и кто именно взываетъ къ ней и въ какой мѣрѣ она дѣйствительно необходима. Этого-то именно и неоставало отчасти нашему обществу попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Хотя уставъ его и былъ опубликованъ, но

многіе не имѣли возможности обстоятельно ознакомиться съ нимъ; многіе понимали назначеніе общества совершенно въ превратномъ видѣ, считая его чѣмъ-то въ родѣ нашего комитета о раненыхъ, и въ главное управленіе общества, сколько намъ извѣстно, поступали даже прошенія о назначеній пособій. Для устраненія всѣхъ подобнаго рода недоразумѣній, для ознакомленія нашей публики, какъ съ назначеніемъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ, такъ равно и съ характеромъ дѣятельности его въ военное время, необходимо было возможно-большее распространеніе свѣдѣній по этому предмету, что и побудило общество издать книгу, составляющую предметъ настоящей статьи.

Уже самое имя автора книги; извѣстнаго своими многочисленными трудами по военно-хозяйственной и особенно по военно-госпитальной части, вполне ручается за достоинство труда. И дѣйствительно, г. Затлеръ выказалъ и въ этомъ новомъ произведеніи своемъ весьма много начитанности и практическаго взгляда, основаннаго на изученіи бывшихъ войнъ и на собственной опытности.

Въ предисловіи г. Затлеръ указываетъ, что онъ имѣлъ цѣлю ознакомить публику съ слѣдующими предметами;

1) Съ причиною болѣзненности въ войскахъ отъ походовъ и неудобствъ бивуачной жизни.

2) Съ числомъ раненыхъ послѣ большихъ кровопролитныхъ сраженій и затрудненіями, встрѣчающимися въ поданіи имъ нужнаго пособія.

3) Со средствами, необходимыми для своевременной перевязки раненыхъ, а также для переноски ихъ съ поля сраженія и перевозки въ задніе госпитали.

4) Съ конвенціями, заключенными почти всѣми европейскими державами, о нейтралитетѣ во время войны госпиталей.

5) Съ образовавшимися у насъ, подобно западнымъ государствамъ Европы, обществами попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ.

Задавшись такими задачами, а главное имѣя въ виду, что книга предназначается не для однихъ только спеціалистовъ военнаго дѣла, но преимущественно для массы публики, для людей не-военныхъ, г. Затлеръ весьма популярно знакомитъ своихъ читателей съ войною, но не съ той, какую описываютъ обыкновенно поэты и повѣствователи, а съ дѣйствительною вой-

ною; какъ она есть, во всей ея наготѣ, со всеми невзгодами и тягостями. Предмету этому посвящены первые три главы сочиненія. Въ главѣ I (о войнахъ вообще) авторъ трактуетъ о войнахъ отвлеченно, указывая на бѣдствія связанныя съ войною, на громадность потерь приносимыхъ ею; и въ то же время на неизбежность какъ самыхъ войнъ, такъ и сопряженныхъ съ ними убылей. Въ главѣ II разобрано состояніе санитарной части въ новѣйшія войны, именно въ австро-сардинскую войну 1859 года, въ шлезвигъ-голлштинскую 1864 года, сѣверо-американскую за неравнѣдность штатовъ въ 1861—1865 года и въ австро-прусскую войну 1866 года. Здѣсь авторъ фактами показываетъ до какихъ громаднхъ размѣровъ доходятъ потери войскъ въ новѣйшихъ войнахъ и какъ много средствъ и самой энергической дѣятельности потребно для того, чтобы по возможности облегчить участь раненыхъ и больныхъ во время войны. Въ главѣ III г. Затлеръ знакомитъ читателя съ положеніемъ солдата на войнахъ и вообще съ обстоятельствами усиливающими болѣзненность въ войнахъ: во время слѣдованія походомъ, при расположеніи на бивуакахъ и въ сраженіи. Авторъ проводитъ передъ читателемъ цѣлый рядъ картинъ, написанныхъ съ натуры и представляющихъ безъ всякихъ прикрасъ то крайне тягостное положеніе, въ какое поставленъ солдатъ во время кампаніи. Онъ беретъ часть съ выступленіемъ ея въ походъ и слѣдитъ за нею по днямъ, какъ она постепенно таетъ, оставляя за собою въ попутныхъ госпиталяхъ слабосильныхъ, которые не въ состояніи выносить трудностей похода и число которыхъ, особенно при форсированныхъ маршахъ въ неблагоприятное время года, нерѣдко доходитъ до $\frac{1}{4}$ общей численности людей. Описавъ затѣмъ положеніе солдата на бивуакахъ, когда, истомленный походомъ, онъ нерѣдко долго не получаетъ теплой пищи, вслѣдствіе запоздавшихъ артельныхъ повозокъ, не имѣетъ дровъ для огня, соломы для подстилки, а вынужденъ проводить ночи въ грязи и сырости, подъ открытымъ небомъ, иногда пасмурнымъ, г. Затлеръ справедливо указываетъ на марши и бивуаки, особенно въ худомъ климатѣ, осенью, зимою и раннею весною, какъ на главную причину болѣзненности въ войскахъ.

„Причиною — говоритъ онъ — большой болѣзненности и смертности въ арміяхъ бываютъ, кромѣ неудобствъ бивуачной жизни, излишнее напряженіе мускуловъ и нервовъ, постепенно

ослабляющее тѣло, недостатокъ сна для подрѣпленія истощенныхъ силъ, невозможность или затрудненіе исполнять въ военное время тѣ гигиеническія условія, которыя необходимы для сохраненія здоровья. Степень, до которой въ арміи можетъ развиваться зародышъ болѣзненности, зависитъ отъ продолжительности того времени, въ которое солдаты будутъ подвержены невыгодамъ изнурительной боевой жизни. Зародышъ болѣзненности войскъ можно уподобить червю, точащему дерево: въ теченіе долгаго времени онъ незамѣтно подтачиваетъ силы арміи, но, достигнувъ извѣстнаго пункта, вдругъ появляется наружу, точно такъ какъ листья на деревѣ съ испорченными корнями вдругъ увядаютъ снизу до верху.

„Послѣ нѣсколькихъ осеннихъ и зимнихъ бивуаковъ число больныхъ обыкновенно увеличивается быстро и самыя болѣзни дѣлаются со дня на день болѣе серьезными: физическое состояніе солдатъ ослабѣваетъ и эти симптомы постепенно развиваются сильнѣе и сильнѣе. Немного спустя, между солдатами начинаютъ проявляться горячки, и тифъ начинаетъ усердно вить свое гнѣздо. Каждое слабое тѣло образуетъ собою приемникъ для яда, незамѣтно въ него вкрадывающагося. Тогда медицинскому вѣдомству приходится бороться уже съ серьезными болѣзнями; но, къ сожалѣнію, по большей части помощь его уже запоздала или оно лишено необходимыхъ средствъ для рациональнаго пользованія больныхъ. Въ началахъ болѣзни, кажущихся часто незначительными, скрываются иногда большія эпидеміи.

„Внезапное ослабленіе силъ у людей обнаруживаетъ какъ слаба энергія, борющаяся съ болѣзнію. Тамъ, гдѣ вначалѣ было бы достаточно только хорошаго ухода за больнымъ и нестрогая даже діета, впоследствии дѣлается необходимымъ пособіе врачебнаго искусства. Съ этой поры общее состояніе здоровья въ войскахъ получаетъ сомнительный поворотъ и опасности увеличивается отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Еще одинъ шагъ—и эпидемія вырастаетъ какъ бы изъ нѣдръ земли“.

Разсмотрѣвъ положеніе солдата въ походѣ и на бивуакѣ, г. Затлеръ очерчиваетъ примѣрный ходъ сраженія и всѣ ужасы пораженія и бѣгства послѣ проигранной битвы, когда войсками овладѣваетъ паника, когда разрывается связь, поддерживавшая цѣлостъ и единство арміи. Въ особенности картинно и подробно

очерчены имъ перевязочные пункты и происходящая на нихъ во время сраженія кипучая дѣятельность.

„Врачи, при помощи фельдшероѡ, перевязываютъ съ возможною поспѣшностію какъ легко-раненыхъ, пришедшихъ сюда пѣшкомъ, такъ и трудно-раненыхъ, принесенныхъ на носилкахъ. Вся мѣстность около перевязочнаго пункта покрыта огромною массою раненыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, ожидающихъ очереди къ перевязкѣ. По мѣрѣ окончанія перевязки, сажаютъ какъ тяжело-раненыхъ, такъ и легко-раненыхъ въ лазаретныя повозки и отправляютъ въ подвижной госпиталь, гдѣ, кому нужно, дѣлаютъ операци.

„Но вотъ на перевязочный пунктъ доходитъ слухъ, что армія отступаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сюда уже начинаютъ долетать неприятельскіе снаряды. Тамъ лопнула граната, здѣсь ядро, упавъ между распростертыми на землѣ ранеными, сдѣлало рикошетъ и летитъ далѣе, повторяя рикошеты чаще и чаще. Скоро неприятельскіе артиллерійскіе снаряды начинаютъ падать такъ часто, что уже невозможно оставаться на этомъ мѣстѣ; поэтому начальникъ перевязочнаго пункта дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ тѣ легко-раненые, у которыхъ силы не совершенно еще истощились, сами шли въ подвижной госпиталь, продолжая между тѣмъ перевозку туда тяжело-раненыхъ. Ими въ виду огромную массу на перевязочномъ пунктѣ тяжело-раненыхъ, лазаретнымъ повозкамъ велятъ ѣхать съ большими скорѣе.

„Вдругъ съ поля сраженія доходитъ на перевязочный пунктъ злосчастный крикъ: „спасайся, кто можетъ!“ Бѣгущіе по одиночкѣ солдаты пробѣгаютъ мимо перевязочнаго пункта, а за ними идутъ утомленные отступающія колонны задней линіи. „Назадъ! назадъ!“ кричатъ повсюду. Съ страшнымъ шумомъ несется мимо перевязочнаго пункта кавалерія и артиллерія, оставляя за собою только огромное облако пыли.

„Вотъ приближается къ перевязочному пункту арьергардъ, который отступаетъ, отстрѣливаясь, и занимаетъ позицію, чтобы еще разъ попытать счастья и дать отпоръ неприятелю, выиграть время и дать остальнымъ войскамъ средство отступить въ возможномъ порядкѣ.

„Спасайтесь отъ насъ, кто можетъ!“ кричитъ начальникъ перевязочнаго пункта оставшимся раненымъ. Панический страхъ овладѣваетъ несчастными ранеными, и кто можетъ водитъ

мается и старается идти, чтобы набѣгнуть пѣвна, котораго боится каждый солдатъ; но большая часть изъ нихъ падаетъ отъ изнеможенія; нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ получаютъ смерть отъ неприятельскихъ выстрѣловъ.

„Нѣкоторымъ раненымъ, влчачшимся съ трудомъ въ подвижной госпиталь, помогаютъ товарищи, менѣе страдающіе. Нѣсколькимъ раненымъ удалось сѣсть на какой-нибудь лафетъ или повозку, несущуюся рысью назадъ; но они терпятъ ужасныя боли отъ ранъ раздробленной руки или ноги, а мученія эти еще увеличиваются отъ толчковъ повозки.

„Между тѣмъ, на перевязочномъ пунктѣ нагружаютъ тяжело-ранеными послѣднія лазаретныя повозки и обывательскія подводы и отправляютъ ихъ въ подвижной госпиталь. Между этими ранеными есть много такихъ, которые, очевидно, не выдержатъ этой перевозки, но нечего дѣлать, неприятель близокъ: нельзя же оставить ихъ.

„Какъ ни дѣтеленъ былъ вывозъ съ перевязочнаго пункта раненыхъ, но, при всемъ томъ, на немъ осталось еще много такихъ, которые сами не въ состояніи двигаться и истекаютъ кровью. Что дѣлать съ ними? Начальникъ перевязочнаго пункта оставляетъ при нихъ нѣсколько лазаретныхъ служителей, а самъ съ повозками, нагруженными ранеными, скачетъ назадъ за бѣгущюю армію.

„На полѣ сраженія, равно какъ на перевязочныхъ пунктахъ, осталась огромная масса тяжело-раненыхъ, истекающихъ кровью, не получившихъ перевязки, покинутыхъ безъ всякаго призрѣнія, безъ всякой помощи; голодные, томимые жаждою, удрученные нестерпимыми муками, они брошены на произволъ и милосердіе неприятеля!

„Послѣ большихъ кровопролитныхъ сраженій, на полѣ сраженія остается такихъ несчастныхъ страдальцевъ многія тысячи. Кто имъ поможетъ? Неприятель? Но у него нѣтъ для того ни времени, ни средствъ. Ихъ ожидаетъ смерть мучениковъ“.

Въ интересахъ этихъ-то мучениковъ, для спасенія ихъ отъ неминуемой гибели, и рѣшено въ новѣйшее время, международными трактатами, признавать всю военно-медицинскую часть нейтральною; въ ихъ же интересахъ, для облегченія ихъ страданій, для доставленія имъ возможно-скорѣйшей помощи на самомъ полѣ сраженія, для улучшенія ихъ положенія въ

госпиталяхъ и образовались повсемѣстно общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, долженствующія получить современемъ также вполне международный характеръ.

Изобразивъ въ первыхъ трехъ главахъ общее положеніе больныхъ и раненыхъ воиновъ, а также и главнѣйшія обстоятельства, имѣющія вліяніе на усиленіе ихъ страданій, г. Затлеръ посвящаетъ слѣдующія четыре главы на ознакомленіе съ тѣми современными средствами, какія имѣются для облегченія страданій этихъ несчастныхъ. Такъ глава IV посвящена обзору разныхъ системъ уборки и перевязки раненыхъ, принятыхъ въ Пруссіи, Австріи, Франціи, Англии, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и у насъ въ Россіи. Въ каждомъ государствѣ при этомъ указаны принятыя системы организаціи госпиталей, устройства вообще матеріальной части и личнаго состава военно-медицинскаго вѣдомства, причемъ встрѣчается очень много практическихъ указаній и замѣтокъ, представляющихъ живой интересъ, но на которыхъ мы не можемъ останавливаться по самому объему статьи. Обратимъ вниманіе читателей на данныя, приведенныя г. Затлеромъ относительно нашей госпитальной части. Изъ этихъ данныхъ видно, что у насъ предположено на будущее время распредѣлить подвижные госпитали по дивизіямъ, по одному на каждую, назначивъ въ каждой дивизіи самостоятельный, особый госпиталь, составленный изъ двухъ прежнихъ отдѣленій подвижнаго госпиталя; прежде же на каждую дивизію назначалось только одно отдѣленіе подвижнаго госпиталя. Сверхъ того, на каждую дивизію положено 200 носильщиковъ, входящихъ въ составъ подвижнаго госпиталя дивизіи.

Обозъ для подвижныхъ госпиталей долженъ быть весь построенъ новый, по высочайше утвержденнымъ образцамъ, и будетъ состоять въ каждой дивизіи изъ 41 повозки, въ томъ числѣ 22 большихъ фургона для перевозки больныхъ и раненыхъ и 6 легкихъ повозокъ для перевозки раненыхъ съ поля сраженія.

И въ военно-временныхъ госпиталяхъ, располагаемыхъ въ тылу арміи по мѣрѣ ея движенія впередъ, опредѣлено сдѣлать весьма важное измѣненіе. „Въ послѣднюю крымскую войну — говоритъ г. Затлеръ — а также и во всѣхъ прежнихъ войнахъ, армія наша была недостаточно снабжена госпитальными средствами, а это всегда было причиной лишеній

и нуждъ, которыя переносили наши раненые такъ на поляхъ сраженій, такъ и въ госпиталяхъ. Самое устройство военно-временныхъ госпиталей далеко не было у насъ удовлетворительно; въ мирное время имѣлись только кадры; въ войскъ сохранилось всего одна треть лазаретныхъ вещей и бѣлья, рассчитывая остальныя двѣ трети пріобрѣтать или тотчасъ по объявленіи войны, или на самыхъ мѣстахъ, на которыхъ будутъ располагаться военно-временныя госпитали. Нынѣ, для отстраненія этого важнаго неудобства, опредѣлено и въ мирное время содержать всѣ необходимыя лазаретныя вещи и бѣлье на полное число больныхъ, положенныхъ въ нашихъ военно-временныхъ госпиталяхъ. Всего въ 84 военно-временныхъ госпиталяхъ положено имѣть вещей на 50,400 больныхъ.

„Вмѣсто прежняго дѣленія военно-временныхъ госпиталей на три класса, всѣ они полагаются на 600 больныхъ каждый, и устроены такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, могли образовывать три отдѣльныя самостоятельныя госпиталя, на 200 больныхъ каждый. Съ этою цѣлью они снабжены всѣми необходимыми чинами медицинскаго и хозяйственнаго разрядовъ, а также и всѣми лазаретными вещами, съ такимъ расчетомъ, чтобы ихъ было достаточно и при раздѣленіи госпиталя на три части. Вообще при мобилизаціи арміи принято и у насъ теперь за норму, чтобы, по численности войскъ, на каждые пять человѣкъ здоровыхъ приходилось по одному госпитальному мѣсту, включая въ это число, кромѣ подвижныхъ и военно-временныхъ госпиталей, и всѣ мѣста, полагающіяся въ нашихъ постоянныхъ госпиталяхъ (14,000 мѣстъ), а также и возимыя полковыя лазаретныя вещи“.

Изъ этого обзора видно, что нашимъ правительствомъ сдѣланы за послѣднее время весьма радикальныя преобразованія по военно-медицинской части съ цѣлью расширенія ея и болѣе полнаго удовлетворенія потребностямъ войны. Тѣмъ не менѣе почти немислимо такое развитіе санитарныхъ учрежденій со стороны правительства, чтобы онѣ вполне могли удовлетворять всѣмъ представляющимся потребностямъ; всегда будетъ встрѣчаться болѣе или менѣе значительная необходимость въ пособіи со стороны частныхъ обществъ. Это вполне доказываетъ г. Затлеръ въ главѣ V своего сочиненія, гдѣ онъ разсматриваетъ условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ поль-

зованія раненныхъ. Разбирая эти условія, авторъ приходитъ къ заключенію, что успѣхъ пользованія раненныхъ зависитъ:

- 1) Отъ числа носильщиковъ и знанія ими своего дѣла.
- 2) Отъ рода носилокъ.
- 3) Отъ числа и удобства госпитальныхъ повозокъ.
- 4) Отъ количества перевязочныхъ припасовъ, лазаретныхъ вещей и медикаментовъ.
- 5) Отъ числа и опытности врачей, фельдшеровъ и лазаретныхъ служителей.
- 6) Отъ числа и удобства госпитальныхъ палатокъ и отъ достаточности удобныхъ строеній для помѣщенія раненныхъ.
- 7) Отъ близости желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей и ихъ направленія, отъ числа обывательскихъ подводъ и
- 8) Отъ разстоянія, на которомъ находятся военно-временные госпитали, назначенные для постоянного пользованія раненныхъ и больныхъ.

Разсмотрѣвъ въ подробности всѣ эти условія, г. Затлеръ наводитъ читателя на невольное заключеніе, что ни одно изъ европейскихъ государствъ не имѣетъ достаточно полно организованныхъ средствъ для оказанія надлежащаго пособія больнымъ и раненымъ. Такъ, на примѣръ, по самому умѣренному разсчету, на 30,000 здоровыхъ солдатъ нужно было бы имѣть до 1,440 человекъ носильщиковъ и 180 носилокъ; по разсчетамъ же другихъ изслѣдователей по этой части число носильщиковъ должно бы быть еще значительнѣе. Если предположить, что въ теченіе годовой кампаніи всѣ эти 30,000 человекъ будутъ два раза въ огнѣ, то изъ нихъ приблизительно будетъ раненныхъ до 6,000 человекъ, для которыхъ потребуется около 600 пудовъ корпінъ, 240,000 аршинъ бинтовъ, компреснаго холста полуаршинной ширины 69,980 аршинъ, типса для наложенія неподвижныхъ повязокъ 77 пудовъ 16 фунтовъ, прахмала до 20 пудовъ, панги около 200 листовъ. Сообразно съ этимъ требуется и число врачей, фельдшеровъ, прислуги, повозокъ и всего необходимаго для пользованія раненныхъ. Очевидно, что ни одно государство не въ состояніи вводить въ свои бюджеты громадныхъ расходовъ на всѣ эти средства, которыя въ случаѣ кампаніи могутъ понадобиться, но могутъ остаться и безъ употребленія. Только дѣятельность частныхъ обществъ, основанныхъ на общей, такъ сказать, международной благотворительности, можетъ восполнить

все то, чего не въ состояши: будеть одылатъ и даже периде предвидѣть военная администрація.

Такимъ образомъ изъ самыхъ данныхъ о современномъ состоянн санитарной части въ войскахъ выясняется необходимость частныхъ обществъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, а равно и нейтрализаціи военно-медицинской части, чему, какъ извѣстно уже читателямъ „Военнаго Сборника“, положено начало на женевакой конференціи 1863 года. Обзору дѣятельности какъ этой конференціи, такъ равно и собраннаго въ 1864 году въ Женевѣ конгресса и международной конференціи 1867 года въ Парижѣ, посвящена глава VI труда г. Затлера, причемъ приведень и полный текстъ международной конвенціи въ томъ видѣ, какъ она исправлена на парижскихъ конвенціяхъ 17 — 29-го августа 1867 года. Наконецъ глава VII разсматриваемой книги посвящена ознакомленію съ возникшимъ у насъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы, обществомъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Въ этой же главѣ, авторъ, дѣлая перечень причинъ, отъ которыхъ происходила во время прежнихъ войнъ недостаточность ухода за ранеными, перечисляетъ и тѣ обязанности, которыя должны лежать на обществѣ попеченія о раненыхъ. Причины эти, по словамъ г. Затлера, заключаются въ слѣдующемъ:

1) „Во всѣхъ почти арміяхъ всегда было недостаточное число медиковъ, фельдшеровъ и лазаретной прислуги, а у насъ ихъ положено имѣть еще менѣе, нежели въ другихъ арміяхъ. Въ войну за Шлезвигъ-Гольштейнъ прусская армія имѣла по одному врачу на 200 человекъ; сѣверная армія американскихъ штатовъ имѣла въ регулярныхъ войскахъ по одному врачу на 79 человекъ, а въ войскахъ волонтеровъ по одному врачу на 120 человекъ, и при всёмъ томъ въ войну 1861—1865 годовъ въ американской арміи, послѣ большихъ сраженій, былъ въ медикахъ недостатокъ, происшедшій, вѣроятно, отъ несоответственнаго распредѣленія врачей, т. е. тамъ, гдѣ врачи были наиболѣе необходимы, ихъ не было, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ были лишніе. Если бы военная администрація не нашла возможности увеличить число врачей, то обязанность озабочиться объ этомъ ляжетъ на общество.

2) „Равнымъ образомъ въ нашей арміи до сихъ поръ чув-

связывался большой недостатокъ въ искусныхъ фельдшерахъ, а потому если бы военная администрація не нашла въ своемъ распоряженіи средствъ для принятія мѣръ къ обученію для арміи нужнаго числа хорошихъ фельдшеровъ, то объ этомъ придется озаботиться обществу.

3) „Въ нашихъ госпиталяхъ обязанности лазаретныхъ служителей исполняли до сего времени инвалидные солдаты, неспособные къ строевой службѣ, составляющіе очень неудовлетворительную прислугу. Если администрація не будетъ въ состояніи принимать мѣръ къ образованію лазаретныхъ служителей, подобно тому, какъ это заведено въ Пруссіи, то на общество ляжетъ обязанность обезпечить всѣ военно-временные госпитали нужнымъ числомъ прислуги и сестеръ милосердія.

4) „Въ нашей арміи до сихъ поръ не существовало санитарныхъ ротъ и носильщиковъ, а потому, при уборкѣ съ поля сраженія раненыхъ, хотя и назначались передъ сраженіемъ особыя команды, но при этомъ всегда происходили большіе безпорядки и, при всемъ томъ, раненые истекали кровью, прежде нежели ихъ успѣвали привезти или принести на перевязочный пунктъ. Еслибъ въ нашихъ войскахъ не были введены команды носильщиковъ, то ихъ пришлось бы завести обществу.

5) „Покуда не будутъ окончательно устроены нами подвижные госпитали и необходимый къ нимъ обозъ не будетъ построенъ, до тѣхъ поръ придется обществу озабочиваться доставленіемъ къ арміи необходимаго числа ресорныхъ экипажей для подборки раненыхъ съ поля сраженія и для перевозки ихъ съ перевязочныхъ пунктовъ въ военно-временные госпитали.

6) „Число котловъ, положенныхъ содержать въ нашихъ госпиталяхъ, слишкомъ недостаточно. Во время большихъ сраженій для варенія пищи на огромное число раненыхъ, прибывающихъ съ перевязочныхъ пунктовъ въ подвижные госпитали съ тощими желудками, необходимо имѣть котловъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ болѣе, нежели ихъ положено содержать, а между тѣмъ собрать ихъ въ потребномъ числѣ и нужной величины невозможно даже въ густо-населенныхъ странахъ, а потому, въ случаѣ недостатка котловъ, раненые остаются безъ теплой пищи.

7) „На основаніи нашихъ прежнихъ постановленій о перевязочныхъ припасахъ, полагалось, чтобы каждый четвертый человекъ имѣлъ въ ранцѣ: одинъ четырехаршинный бинтъ,

одинъ аршинный компрессъ и три золотника корпіи. Уже въ польскую войну такая раздача перевязочныхъ припасовъ на руки нижнимъ чинамъ оказалась непрактичною. При раненіи солдата, у котораго въ ранецъ нѣтъ перевязочныхъ припасовъ, приходилось снимать ранецъ у другаго, а это разстроивало боевые ряды; поэтому нынѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы перевязочные припасы не раздавались нижнимъ чинамъ на руки, а находились на ротныхъ фельдшерахъ, въ особо для того утвержденныхъ ранцахъ и сумкахъ⁴.

„Подобнымъ изслѣдованіемъ“—прибавляетъ г. Затлеръ—„съ одной стороны, нужды арміи, а съ другой, средствъ, коими располагаетъ военная администрація для ихъ удовлетворенія въ военное время, опредѣлится и предстоящій кругъ дѣятельности для общества попеченія о раненыхъ и больныхъ“.

Какъ извѣстно, наше общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ уже озаботилось этимъ предметомъ, и въ главномъ управленіи его составленъ „проектъ программы предстоящихъ дѣйствій общества, какъ въ мирное, такъ и въ военное время“. Програма эта, выработанная по соглашенію съ нашимъ военнымъ министерствомъ, передана во всѣ мѣстныя управленія и дамскіе комитеты общества, а также напечатана въ газетахъ и журналахъ, съ тѣмъ, чтобы путемъ гласнаго обсужденія выработались окончательно всѣ ея, даже мелочныя, подробности (*). Только такимъ путемъ дѣятельность общества можетъ установиться на совершенно рациональныхъ основаніяхъ и принесетъ вполнѣ благодѣтельные результаты.

Сочиненіе г. Затлера во многомъ дополняетъ и разъясняетъ проектъ этой программы; въ немъ каждый найдетъ совершенно вѣрное подтвержденіе всѣхъ предполагаемыхъ обществомъ дѣйствій, а потому книга эта вполнѣ необходима для каждого интересующагося дѣятельностію общества. Въ ней собрано весьма много данныхъ и указаній опыта, которыя несомнѣнно будутъ полезны при всякомъ распоряженіи, при всякомъ дѣйствіи по военно-санитарной части.

*

(*) Програма эта помѣщена въ настоящемъ № „Военнаго Сборника“, въ „Русскомъ Военномъ Обзорѣнїи“.

Ред.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. (*)

Сочиненія на русскомъ языкѣ.

Упоминаемъ о сочиненіяхъ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ настоящаго 1868 г.

а) Военно-историческія.

1) *Матеріалы для отечественной войны 1812 года.* Собрание статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. *И. П. Липранди.*

2) *Исторія кампаніи 1815 года. Ватерлоо.* Съ приложеніемъ семи картъ и плановъ. Соч. *Шарраса*; переводъ и изданіе генеральнаго штаба штабсъ-капитана *Пичурина.*

3) *Воспоминанія о кампаніи 1829 года въ Европейской Турціи.*

4) *Краткій журналъ пребыванія моего въ дѣйствующей арміи въ минушую польскую войну, со времени прибытія фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго къ оной до отъѣзда моего въ С.-Петербургъ.* *Графъ К. Ѡ. Толь.*

5) *Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ сѣверо-западной Россіи.* Томъ I. Вильно. Составилъ *Г. Рачъ.*

6) *Польская эмиграція до и во время польскаго мятежа 1831—1863 годовъ.* Вильно. Составилъ *Г. Рачъ.*

7) *Замѣтки по средне-азіатскому вопросу, съ приложеніями и картами Туркестанскаго генераль-губернаторства.* *Д. И. Романовскій.*

8) *Военныя силы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Война за нераздѣльность союза (1861—1865 гг.).* *Вилъ Русильона.* Переводъ съ французскаго, съ примѣчаніями, *Станкевича* и *Витмера.* Съ картами и планами. Издано при содѣйствіи военно-ученаго комитета генеральнаго штаба.

9) *Исторія русскаго флота.* Періодъ азовскій. *С. Еламина.* Съ рисунками и картою. 3 тома.

10) *Матеріалы для исторіи русскаго флота.* Балтійскій флотъ 1702—1725 годовъ. 4 части. *С. Еламина.*

(*) Предшествующій „Библиографическій листокъ“ помѣщенъ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1868 г., № 1.

11) *Записки А. И. Энгельгардта. 1766—1836.* Изданіе „Русскаго Архива“.

12) *Александръ Васильевичъ Суворовъ.* Простонародный русскій разсказъ. В. Потапова.

13) *Князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій,* генералиссимусъ русскихъ войскъ. Съ приложеніемъ семи рисунковъ. Изданіе редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ“.

14) *Патріотическая библіотека. Георгиевскіе Кавалеры* или подвиги кавалеровъ ордена святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія всѣхъ степеней, съ обзорѣніемъ ихъ службы и жизни. Написано и издается съ высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія В. Мамышевымъ. Выпускъ XV (томъ II, № 5). Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-артилеріи, *Графъ Серій Павловичъ Сумароковъ* (жизнеописаніе съ портретомъ).

15) *Дмитрій Іоановичъ Донской или ужасное Мамаево побоище.* Повѣсть XIV столѣтія. Соч. И. Г. М.

16) *Сказанія о Царевградѣ* по древнимъ рукописямъ, изданныя подъ редакцію В. Яковлева.

17) *Осада и взятіе Константинополя МаOMETOMъ II.* Изданіе второе.

18) *Преданіе какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти у разбойниковъ.*

б) По тактикѣ.

1) *Сборникъ боевыхъ наставленій и приказовъ.* Изданіе военнo-ученаго комитета главнаго штаба. Выпускъ I: *Суворовъ.*

2) *Записки тактики.* Для пѣхотныхъ юнкерскихъ училищъ. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ *Бѣлинскій.*

3) *Собраніе тактическихъ примѣровъ.* Для юнкерскихъ училищъ старшаго курса. (Дополненіе къ запискамъ тактики.) Составилъ подполковникъ *Бѣлинскій.*

в) По военной администраціи.

1) *Записки начальной военной администраціи для юнкерскихъ училищъ* (съ 29 приложеніями). Часть II. Изданіе второе. Составилъ штабсъ-напитанъ *Трубкиновъ.*

2) *Приложеніе къ запискамъ начальной военной администраціи для юнкерскихъ училищъ.* Составилъ штабсъ-капитанъ *Трубкиновъ.*

3) *Желѣзныя дороги въ военномъ отношеніи*. Часть I: перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ. Составилъ А. *Бемистъ*. Издано при содѣйствіи военно-ученаго комитета главнаго штаба.

4) *Красносельскій и шалонскій лагеря въ военно-медицинскомъ отношеніи*. О. *Гейфельдеръ*. Съ планами.

5) *Участь раненныхъ и больныхъ воиновъ во время войны*. Соч. *Ө. Затлеръ*. Издано обществомъ попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ.

6) *Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ въ отсутствіи и до прибытія врача*. Соч. профессора *Шебля*. Переводъ съ англійскаго.

7) *Записки военнаго судопроизводства для юнкерскихъ училищъ*. Составилъ преподаватель Варшавскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища аудиторъ *Устимовичъ*.

8) *Военно-судебный уставъ 15-го мая 1867 года*. Карманное неофициальное изданіе.

9) *Таблица наказаній, опредѣляемыхъ на основаніи военно-уголовныхъ законовъ*. Рассмотрѣно въ главномъ военно-судномъ управленіи. На двухъ большихъ листахъ. Составилъ г. *Максимовъ*.

10) *О взысканіяхъ дисциплинарныхъ, относящихся до военныхъ нижнихъ чиновъ*. Изданіе (второе) редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ“.

11) *Военно-уголовные законы Франціи*. О судоустройствѣ и подсудности. Переводъ *В. Сорокина*.

12) *Сборникъ таблицъ, необходимыхъ войскамъ при веденіи цейхаузскихъ книгъ, указанныхъ временными положеніями о хозяйственной части*. Г. *Тихановъ*.

13) *Военный Ежегодникъ на 1868 года*. Составленъ при главномъ штабѣ.

г) *По военной статистикѣ, географіи и путешествіямъ*.

1) *Отрывки изъ путешествій по восточнымъ областямъ Европейской Турціи*. Составилъ *Н. Мосоловъ*.

2) *Руководство къ изученію русской земли и ея народонаселенія*. По лекціямъ *М. Владимірскаго-Буданова*, составилъ и издалъ преподаватель географіи въ владимірской кievской военной гимназій *А. Редровъ*.

3) *Путешествія по окраинамъ Русской Азіи и записки о нихъ.* М. Венюкова.

4) *Географическо-Статистическій Словарь Россійской Имперіи.* Томъ IV, выпускъ 1-й. Составляется подъ редакціей П. Семенова. Изданіе императорскаго русскаго географическаго общества. (Томы I, II и III изданы въ прошлыхъ годахъ).

д) *По артилеріи, фортификаціи и топографіи.*

1) *Элементарный курсъ артилеріи.* В. Шкляревича. Часть 2-я: *О ручномъ оружьи.* Составлена совмѣстно съ В. Чебышевымъ.

2) *Записки о ручномъ огнестрѣльномъ оружьи для юнкерскихъ училищъ.* Составилъ артилеріи капитанъ Ходоровскій, преподающій въ варшавскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ.

3) *Необходимыя свѣдѣнія изъ артилеріи.* Курсъ старшаго класса юнкерскихъ училищъ. Составилъ артилеріи капитанъ Ходоровскій.

4) *Записки начальной механики и артилеріи для военныхъ училищъ.* Курсъ старшаго класса (выпускъ 4 — 7). Составили Верховскій и Анчутинъ.

5) *Записки полевой фортификаціи для юнкерскихъ училищъ.* Составилъ инженеръ штабсъ-капитанъ Хитрово.

6) *Записки военной топографіи для юнкерскихъ училищъ.* Составилъ генеральнаго штаба капитанъ Перликъ.

7) *Практическія свѣдѣнія изъ топографіи для юнкерскихъ училищъ, какъ приложенія къ курсу геометріи младшаго класса.* Съ чертежами. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ Перликъ.

Сочиненія на иностранныхъ языкахъ.

Считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь, что большая часть поименованныхъ книгъ находятся въ библіотекѣ главнаго штаба.

а) *Военно-историческія.*

1) *Die Literatur d. deutschen und italien Krieges im J. 1866.* Uebersicht d. deutschen u. ausländ. literar. Erscheinungen von

1 Jan. 1866 bis 1 Juli 1867 u. s. w. *O. Mühlbrecht*. (Литература войны 1866 года).

2) *Der Feldzug von 1866 in Deutschland*. Redigirt von der kriegsgeschichtlichen Abtheilung des Grossen Generalstabes. 2, 3, 4, 5 Hefte. Война 1866 года въ Германіи).

3) *Oesterreichs Kämpfe im J. 1866*. Nach Feldakten bearbeitet durch d. K. K. Generalstabs-Büreau f. Kriegsgesch. II Bd. — Wien. (Дѣйствія австрийцевъ въ войну 1866 года. Официальныя изданія. Часть II.)

4) *Skizzen des österr.-preuss. Krieges 1866*. von *M. Dragomirov*. — Berlin. (Очерки австро-прусской войны 1866 г., М. Драгомирова; переводъ съ русскаго (*).

5) *Abriss des österr.-preuss. Krieges 1866*. von *M. Dragomirov*. Vom Verf. autoris. Uebersetzung. — Berlin. (Тоже; переведено съ дозволенія автора).

6) *L'armée Danoise en 1864, le Dannevirke et Dybböl*. Etude historique et militaire basée sur des documents officiels. I Partie. par *F. de Vas*. — Arnheim. (Датская армія въ 1864 году, Деневергъ и Дюппель).

7) *Quatre ans de campagnes à l'armée du Potomac*. 2 Vols. par *R. de Trobriand*. — Brussel. (Четыре года войны въ рядахъ потомакской арміи.)

8) *With Maximilian in Mexico*. From the notebook of a mexican officer. *M. Bar v. Alvensleben*. — London. (Съ Максимилианомъ въ Мексикѣ. Изъ записной книги мексиканскаго офицера).

9) *With the French in Mexico*. *J. F. Elton*. — London. (Съ французами въ Мексикѣ).

10) *The Abyssinian expedition and the management of troops in the field in unhealthy localities*. *G. J. Haly*. — London. (Абиссинская экспедиція).

б) По тактикѣ.

1) *Theorie des grossen Krieges*. Von *W. Willisen*. Leipzig. (Стратегія).

2) *Ueber Taktik, takt. Formen und ihre Anwendung im Gefecht*. v. *C. Elgger*. Luzern. (Тактика, тактическія формы и ихъ примѣненіе въ бою).

3) *Die Kriegsfeuerwaffen der Gegenwart*. Jhr Entstehen und

(*) Переводъ известнаго нашему читателямъ труда полковника Драгомирова.

ihre Einfluss auf die Taktik der Infanterie, Artillerie und Reiterei. v. C. *Egger*. Hauptmann im schweizerischen Generalstab. Mit 233 Abbildungen, Leipzig. (Огнестрѣльное оружіе въ настоящее время. Его вліяніе на тактику пѣхоты, артилеріи и кавалеріи).

4) *Zur Taktik mit Hinterladern und gezogenen Kanonen*. Fasslich bearbeitet von einem praktischen Soldaten. — Prag. 1867. (Тактическое употребленіе новейшей артилеріи).

5) *Anleitung zur praktischen Uebung der Felddienstes für die Cavallerie*. In Lectionen eingetheilt, nebst einer Anleitung zur Vornahme von Recognoscirungen. Als manuscript gedruckt. Wien. 1868. (Руководство для практическаго упражненія кавалеріи въ полевой службѣ).

6) *Zur Taktik der Reiterei*. — Stuttgart. (Тактика кавалеріи).

7) *Etude sur la cavallerie légère*. Formation d'escadrons d'éclaireurs à cheval. — Paris (о легкой кавалеріи. Формированіе фланкерскихъ эскадроновъ).

По военной администраціи, тактике и проч.

1) *Die Eisenbahnen zum Truppen-Transport und für den Krieg im Hinblick auf die Schweiz* von T. *Hoffman-Merian*. (Значеніе желѣзныхъ дорогъ для перевозки войскъ и во время войны въ отношеніи Швейцаріи).

2) *Die Kriegführung, unter Benutzung der Eisenbahnen, und der Kampf um Eisenbahnen, Zusammengest.* von H. L. W. Leipzig. (Веденіе войны при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ и проч.).

3) *Die Regimentschule*. 3 Auflage von A. v. *Crousaz*. (Полковыя школы).

4) *Das Preussische Militair-Sanitätswesen und seine Reform nach der Kriegserfahrung von 1866* von General-Arzt. Dr. F. *Loeffler*. (Военно-санитарная часть въ Пруссіи.)

5) *Organisation der forces armées de la France conçu selon la nation de l'unité sociale et précédée de l'examen de l'armée franç. en 1867*. par. V. *Fourier*. Paris. (Организація сухопутныхъ силъ Франціи и проч.).

6) *Milit. Geographie von Mittel-Europa*. von S. *Pallatschek von Nordwall*. Vien. (Военная географія Средней Европы.)

7) *Militair-Geographie d. norddeutschen Bundes, d. süddeut-*

schen Staaten und von Oesterreich. Frankfurt. (Военная географія Сѣверо-Германскаго Союза, Южно-Германскаго Союза и Австріи).

8) *Jahrbuch. für die amtliche Statistik der Preussischen Staats.* (Статистическій ежегодникъ прусскаго королевства. Годъ 2-й. Берлинъ. 1867 годъ).

9) *Voyage dans la Turquie d'Europe.* 10 livr. par *Viquesnel.* (Путешествіе въ Европейскую Турцію. 1867).

10) *Serbien.* Historisch, ethnographische Reisetudien aus den Jahren 1859 — 1868. Mit 40 Illustrationen im Texte, 20 Tafeln und einer Karte, von *F. Kaunitz.* (Сербія, историко-этнографическія очерки путешествія въ 1859—1868 годахъ).

11) *Notice sur la Roumanie, principalement au point de vue de son économie rurale, industrielle et commerciale.* Commission princière de la Roumanie à l'Exposition universelle de Paris en 1867. (Замѣтка о Румыніи (дунайскихъ княжествахъ), преимущественно съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Съ картою).

12) *Studien ueber Bosnien und die Herzogowina.* *Roskiewicz.* 1868. (Очерки Босніи и Герцоговины. Съ картою. Рожкевича. Лейпцигъ).